

Постоялый двор, где остановился Сюэ Фэйфэн.

— Генерал действительно настаивает на личном визите в эту транспортную гильдию? — лекарь неторопливо погладил бороду и прищурил лисьи глаза, случайно оторвав добрую её половину, но тут же невозмутимо приладил её на место.

Сюэ Фэйфэн сделал вид, будто ничего не заметил:

— Да. Рассчитываю на вашу помощь.

— В таком случае мне придется поставить вам сильное снадобье, дабы на полпути у генерала не иссякли силы, — с улыбкой проговорил старик. Он извлек серебряную иглу длиной в два пальца и крайне небрежным движением вогнал её прямо в колено Сюэ Фэйфэна. — Дальнейшее будет не из приятных, уж не обессудьте.

Лицо Сюэ Фэйфэна даже не дрогнуло:

— Ничего страшного.

Частая, пронизывающая боль лавиной хлынула от сустава и мгновенно растеклась по всему телу, заставив мужчину мысленно вернуться в те страшные дни, когда он только-только получил ранение.

Сюэ Фэйфэн закрыл глаза. Окруженный густым, дурманящим шлейфом горьких трав, он постепенно провалился в глубокий сон. Возможно, из-за схожих болевых ощущений ему приснился тот самый день, когда он по ошибке заподозрил Шэнь Цинжань в попытке отравить его.

Сон был хаотичным, наполненным боевой тревогой и грохотом копыт, среди которых дни, проведенные в Лицзяцунь, казались редкими минутами покоя, обретенными прямо в седле.

Финальный кадр замер на моменте, когда Шэнь Цинжань с ножнами наперевес ворвался в избу и, едва переведя дух от пережитого испуга, с надеждой в голосе спросил его: «Если меня кто-нибудь обидит, ты ведь заступишься за меня?»

Сюэ Фэйфэн резко открыл глаза и громко позвал:

— Чан Бай!

— Я здесь, господин.

— Ступай в Лицзяцунь. И охраняй Шэнь Цинжань.

Мужчина завел руки за спину и подошел к окну. Наблюдая за резвящимся во дворе желтым псом, он глубоко нахмурил свои соболиные брови.

Кроме вечных жалоб на тяжелый крестьянский труд, Шэнь Цинжань никогда не рассказывала ему о том, как к ней относятся в деревне.

Но если бы ее никто не обижал, то, узнав о скрытых боевых навыках мужа, разве ее первой реакцией был бы не праведный гнев из-за ложных подозрений? Вместо этого она лишь спросила, защитит ли он ее...

Если бы он в тот момент проявил к Шэнь Цинжань чуть больше чуткости, ему следовало бы

расспросить ее подробнее.

Но он этого не сделал.

Сюэ Фэйфэна захлестнула волна жестокого раскаяния — точь-в-точь как у полководца, который из-за неверной оценки сил противника допустил роковую ошибку и теперь горько сокрушается о содеянном.

\*

Шэнь Цинжань теперь просыпался ни свет ни заря — его жизненные ритмы полностью подстроились под суровый быт трудового народа. Из-за отсутствия в доме хоть какой-то живой души парень откровенно маялся от скуки, уныло восседая на деревянном пороге.

В какой-то момент он поймал себя на весьма странной мысли, от которой ему даже стало немного неловко: ему до безумия хотелось сделать так, чтобы вернувшийся Сюэ Фэйфэн посмотрел на него совершенно другими глазами.

Доказать ему, что он вовсе не бесполезный человек!

Шэнь Цинжань решительно сжал кулаки. Пора бы уже и честь знать — пора выходить на землю.

Ему вспомнилось, как в самый первый день после возвращения мужа, едва открыв глаза, он обнаружил Сюэ Фэйфэна во дворе за колкой дров. Гора поленьев высотой в человеческий рост была сложена идеальным кубиком. Судя по всему, заприметив пустой дровяник, этот хромой мужчина еще до рассвета потащился в гору на своих перебитых ногах.

На его фоне Шэнь Цинжань чувствовал себя абсолютным ничтожеством: готовить не умеет, дрова колоть не умеет, на грядки идти не желает.

Нельзя ведь допустить, чтобы Сюэ Фэйфэн по возвращении снова махал топором. А ну как оступится, сорвется с крутого склона и усугубит свои травмы — что тогда делать?

Шэнь Цинжань с пустыми руками поплелся на плантацию. Старик Сунь перед уходом строго наказывал, что сахарный тростник требует своевременной очистки от лишней листвы. Каждый отдельный сегмент стебля плотно укутан двумя широкими листьями, и чтобы внутренний ствол налился соком, окреп и пошел в рост ровным, красивым столбом, всю эту старую пожухлую одежду необходимо безжалостно обрывать.

К тому же сухие тростниковые листья — превосходный материал для растопки печи, вспыхивают от одной искры. Наберешь таких побольше — и в лес за хворостом можно ходить вдвое реже.

Окинув взором бескрайние пять му тростника, Шэнь Цинжань мгновенно захотел повернуть назад.

Листья, как назло, были сплошь покрыты мелкими, колючими ворсинками, а их края оказались острыми, словно бритва. Посмотрев на свои белые, изнеженные ладони, парень аккуратно попробовал очистить один стебель.

Ощущения были такие, словно он со всей дури потерял кожу о крупнозернистую наждачку!

Никаких перчаток у него, разумеется, не было. Очистив в общей сложности всего три стебля, он почувствовал, как ладони прошила мелкая, зудящая боль. Кожа покрылась сеточкой тонких кровавых царапин, и через пару минут руки разболелись так, что их невозможно было сжать в кулак.

Стиснув зубы и проявив недюжинную силу воли, Шэнь Цинжань упрямо пошел вдоль ряда, обрывая сухую листву. Затем, сверяясь с устными инструкциями старика Суня, он скрутил из трех длинных листьев прочную бечевку, плотно связал собранную охапку в аккуратные снопы и перетащил их на солнечную сторону сушиться.

Парень со счастливой улыбкой окинул взглядом выстроившиеся в ряд... ну хорошо, всего три сиротливых снопа. Но это был его первый, честный и богатый трудовой результат за сегодня!

Ему безумно захотелось похвастаться перед Сюэ Фэйфэном.

Шэнь Цинжань задумчиво поковырял пальцем царапину: к моменту возвращения мужа эти листья как раз полностью высохнут, и он демонстративно, прямо у него на глазах, швырнет их в топку, чтобы они весело и громко потрескивали в огне.

Он немного порадовался этой мысли про себя, не смея смеяться вслух. С тех пор, как соседка услышала его голос, у парня развилась паранойя — ему постоянно казалось, будто кто-то прячется в кустах и подслушивает его. Попадись он еще раз, и тогда даже смыв позор водами Хуанхэ, он не отмоется от сплетен.

(река Хуанхэ (Желтая река) - колоссальная, мощнейшая река, невероятно мутная из-за огромного количества лесса и ила. Существует известная китайская поговорка: «Даже прыгнув в Хуанхэ, не отмоешься» (黄河洗不清). Это парадокс: человек пытается очиститься в реке, но её вода настолько грязная, что чистоты не добиться.)

Раз уж грозного хозяина дома не было, Шэнь Цинжань решил развернуться на полную. Он без зазрения совести выудил из сундука мужские одежды Сюэ Фэйфэна и нацепил их на себя. Закатав широкие рукава, он присел у берега реки и бережно опустил исцарапанные ладони в воду. Прохладное течение приятно охладило воспаленные, горящие ранки, принеся долгожданное облегчение.

К вещам Сюэ Фэйфэна Шэнь Цинжань относился куда бережнее, чем к своим собственным, поэтому по пути обратно шел с особой осторожностью, следя, чтобы ни одна ветка не зацепила дорогую ткань. Разведя руки в стороны, чтобы они быстрее обсохли на ветру, он весело зашагал к дому, как вдруг его зрачки сузились от испуга, и парень мгновенно нырнул за стог сена.

Перед его покосившейся избой собралась приличная толпа разухабистых деревенских парней. Они без всякого спросу распахнули калитку и вломились во двор. Судя по всему, эти бездельники так сильно торопились и пихали друг друга локтями, боясь опоздать к раздаче чужого добра, что умудрились начисто своротить половину его плетеной изгороди.

Сердце Шэнь Цинжаня ушло в пятки, и он замер, боясь сделать даже лишний вдох. Против такой оравы он один был абсолютно бессилен. Эти отбросы в свое время не постеснялись обокрасть несчастного немого дурачка, так что о наличии у них каких-либо моральных принципов говорить не приходилось.

К тому же он официально считался немым — любое его появление и попытка объяснить на пальцах могли быть истолкованы превратно. Уж лучше пересидеть в укрытии, пока они сами не

уберутся восвояси.

Местные бездельники во главе с Ли Цюшэном и Ли Чуньшэном, так и не дождавшись возвращения хозяина, лениво переговаривались между собой:

— Слушайте, парни, а кто-нибудь вообще видел эту Шэнь Цинжань после того, как Фэн-цзы вернулся? Да уж, девка-то совсем другой стала, я её, почитай, с первого раза и не признал вовсе.

— Да мы-то всё думали, что Шэнь Цинжань обычная блаженная дурочка, а оно вишь как вышло — стоило рожу от грязи отмыть, и стала она этой... как её там... писаной красавицей...

Мужики переглянулись и разразились мерзким, похабным хохотом, смысл которого был понятен без слов.

— Да ладно тебе раскатывать губу! Кто из нас по роже да стати сможет с Фэн-цзы тягаться? Куда уж нам, паршивым жабам, на лебедушку заглядываться, ха-ха-ха! Да она, поди, уже и позабыла, как мы её тут подкармливали, пока мужа дома не было...

Они-то, может, и смеялись, но судя по их сальным взглядам и тому, с каким упорством они пытались плечом выбить хлипкую дверь избу Ли Фэна, даже дураку было ясно, какие грязные мысли роились в их головах.

Хромой Сюэ Фэйфэн и немая Шэнь Цинжань не представляли для этой своры абсолютно никакой угрозы. Случись что, они всегда смогут заявить, будто Шэнь Цинжань сама любезно пригласила их в гости. И что им сделает один несчастный калека?

Шэнь Цинжань сидел за стогом тише воды, ниже травы, не смея высунуть носа. Его душу захлестнула волна паники и беспомощности, а в голове лихорадочно прокручивались возможные варианты спасения.

Время шло, и у стоявших во дворе бездельников окончательно лопнуло терпение. Кто-то выкрикнул: «Да ладно вам, пошли внутрь, чего у порога тереться!», и толпа с улюлюканьем ринулась к дверям, точно бабы на рынке, прорывающиеся к бесплатным яйцам.

Шэнь Цинжань не выдержал. Каждая вещь в этой избе была куплена и обустроена Сюэ Фэйфэном на его кровные гроши. Этот хромой мужчина, преодолевая страшную боль, ушел в горы ради заработка, и перед уходом его мысли были заняты лишь тем, чтобы его «супруга» ни в чем не нуждалась и жила в сытости.

Парень просто не мог позволить, чтобы труды Сюэ Фэйфэна снова были разграблены этой швалью.

С какой стати эти мерзкие крысы, привыкшие кормиться из чужих закромов, будут хозяйничать в его доме?!

Шэнь Цинжань быстрыми движениями распустил свою женскую прическу и небрежно перевязал волосы в простой мужской пучок. Сгреб с земли две горсти серой золы, густо мазнул по бровям и губам, аккуратно растушевав грязь по лицу.

Закончив с маскировкой, он хорошенько прочистил горло, уверенно поднялся на ноги и, выпрямив спину, завел одну руку за спину, всем своим видом изображая умудренного опытом, благородного ученого мужа.

— Я являюсь двоюродным братом Цинжань. По какому поводу уважаемое собрание решило оккупировать сие подворье? — звонким, уверенным голосом окликнул Шэнь Цинжань бездельников, собиравшихся высадить деревянную дверь, и изобразил на лице крайнюю степень вежливого недоумения.

В лучах полуденного солнца Шэнь Цинжань стоял статный, величественный и безупречно благородный, словно истинный благовоспитанный муж.

Вся эта банда деревенских отребьев мгновенно окаменела. Они как один резко обернулись, зажмурившись от яркого света. Сказать, что на его фоне они выглядели жалкими замарашками — значит, не сказать ничего.

— Брат... двоюродный брат, стало быть?

«Тьфу на вас! Какой я вам брат, образины деревенские».

Впрочем, учитывая поразительное сходство черт лица, ни у кого из присутствующих даже мысли не возникло усомниться в подлинности их родства.

Шэнь Цинжань уверенным шагом прошел сквозь толпу опешивших мужиков и одарил стоявшего впереди Ли Цюшэна вежливой улыбкой:

— Вчера матушку Цинжань внезапно разбил тяжелый недуг. Тоскуя по дочери, она спешно отправила меня сюда с известием. Цинжань уже отбыла в родные пенаты, так что ежели у почтенной публики имеются к ней какие-то дела, покорнейше прошу пожаловать дней эдак через десять.

Через десять дней Сюэ Фэйфэн как раз вернется в деревню.

Бездельники уныло переглянулись — перед грамотным, образованным человеком у простого крестьянина на подсознательном уровне всегда поджимался хвост. Кое-кто из толпы уже начал пятиться к выходу, явно теряя былой запал.

Ли Чуньшэн и Ли Цюшэн тоже нехотя побрели к калитке.

Шэнь Цинжань мысленно выдохнул. В этот момент он как никогда остро прочувствовал всю глубину древней поговорки о том, что у ворот одинокой женщины всегда роится куча сплетен и бед.

Эти самые беды упорно ломились к нему в дом, несмотря на то, что Сюэ Фэйфэн был вполне себе жив-здоров.

Парень с грустью коснулся перекошенной деревянной двери. Какая досада: он ведь только-только собирался похвастаться перед мужем своими трудовыми успехами на поле, а тут ворота сломали. Чинить их он совершенно не умел — и как теперь прикажете это объяснять?

Шэнь Цинжань категорически не хотел, чтобы Сюэ Фэйфэншний раз из-за него переживал. Да и чего греха таить — им двигало банальное эгоистичное желание скрыть этот позор. Он смертно боялся, что если Сюэ Фэйфэн узнает, сколько проблем приносит его «немая женоушка», он попросту выставит его за дверь. Поэтому парень твердо решил закопать этот инцидент как можно глубже.

Однако Ли Цюшэн по пути к выходу принялся лихорадочно прокручивать в голове утренние

слова госпожи Цай. Та ведь четко сказала: в избе у Шэнь Цинжаня прячется какой-то заезжий хахаль! Стало быть, эта девка просто нашла себе нового покровителя побогаче и теперь крутит носом, брезгуя общаться с местными парнями.

В его душе мгновенно вспыхнула яростная обида.

Такие отбросы общества, от которых плевался каждый встречный, жизненно нуждались в ком-то вроде прежнего немого дурачка — ком-то, кто стоял бы еще ниже их на социальной лестнице, зависел от них и заглядывал в рот. Только так Ли Цюшэн мог тешить свое ничтожное уязвленное эго, чувствуя мнимое превосходство.

Она жрала стряпню, которую он лично для неё готовил, и теперь думает, что сможет вот так просто от них отделаться?!

Ли Цюшэн резко развернулся, в два шага подлетел к Шэнь Цинжаню и злобно прорычал ему прямо в лицо:

— Ты зубы-то нам не заговаривай! Шэнь Цинжань ведь дома, говори?!

Стоило ему подать голос, как до остальной оравы тоже начал доходить очевидный факт: с какой это стати старая карга умудрилась заболеть именно сегодня? И касательно отъезда к родителям... Тьфу! Да вся деревня прекрасно знала, какая Шэнь Цинжань ленивая и бесхребетная тварь. Чтобы эта в одиночку отправилась в дальний путь, оставив какого-то кузена хозяйничать в чужой избе? Да быть такого не может!

Ощущение того, что их обвели вокруг пальца как последних лохов, мгновенно сорвало мужикам планку. Ли Цюшэн окончательно озверел.

Шэнь Цинжань с глубочайшим омерзением посмотрел на придвинувшихся к нему братьев Ли и сделал шаг назад.

И этот его шаг назад толпа тут же расценила как безоговорочное признание вины.

Ли Чуньшэн бесцеремонно отпихнул стоящего на пути Шэнь Цинжаня в сторону и с силой распахнул дверь избы:

— Да я сейчас лично проверю, в каком углу эта дрянь прячется!

— Да что вы творите! — Шэнь Цинжань попытался схватить его за руку, да куда там — его отбросило в сторону, словно легкого бумажного змея.

Наблюдая за тем, как эта свора с улюлюканьем ввалилась в дом и принялась крушить и переворачивать всё вверх дном, парень задрожал от ярости, а его глаза налились кровью.

Инвалидное кресло Сюэ Фэйфэна, стоявшее в зале, безжалостно пнули и перевернули. Шэнь Цинжань бросил мимолетный взгляд на свои исцарапанные, саднящие ладони, и в его глазах вспыхнула дикая, первобытная жестокость.

Он перехватил стоявшее у стены тяжелое кедровое полено толщиной в хорошую руку, преградил им путь Ли Чуньшэну и во всё горло заорал:

— А ну пошел отсюда, ушлепок!

За всё то время, что он провел в этом теле, ему пришлось стерпеть слишком много обид и

унижений из-за своего мнимого безмолвия. И теперь, когда его голос наконец-то сорвался с цепи, парень в одночасье захотел высказать этим мразям всё, что о них думает.

Вот только развернуться на полную мощность ему так и не дали. Ли Цюшэн ловко перехватил тяжелую мотыгу и одним точным, мощным движением, словно подсекая сорную траву на грядке, подцепил Шэнь Цинжана за талию, с силой опрокинув его на землю.

Парень с грохотом пересчитал спиной несколько деревянных ступеней, ведущих в погреб, и в глубоком нокауте скорчился на полу, не в силах издать ни звука от пронзительной боли.

Упираясь одной рукой в холодный земляной пол, а второй отчаянно зажимая ушибленный живот, он лежал бледный как полотно. В его душе в этот момент бушевало лишь одно колоссальное, безграничное разочарование.

Дикое, непередаваемое разочарование.

Он ведь только-только получил возможность нормально материться!

Ему оставалось лишь беспомощно созерцать, как эти конченные бандиты, окончательно сбросив человеческое обличье, всю грабят его дом. От дикой боли в теле у него банально не хватало дыхания, чтобы вытолкнуть из горла хотя бы пару ласковых слов в их адрес.

Чан Бай еще издали заметил, что возле жилища его господина творится какое-то дикое непотребство. Разглядев распластанную на полу фигуру, охранник мгновенно подобрался, а его лицо потемнело от ярости. Он с резким щелчком выхватил из ножен верный клинок, но в самый последний момент, побоявшись навлечь на Сюэ Фэйфэна лишние проблемы с властями, всё же загнал меч обратно.

Вместо этого он картинно и оглушительно заорал на всю округу:

— Вижу несправедливость — обнажаю клинок! На помощь!

Его зычный голос, подпитанный мощной внутренней энергией ци, прозвучал подобно раскату грома, заставив грабителей на миг оцепенеть от ужаса.

Чан Бай стремительным вихрем ворвался во двор. Его силуэт двигался с неуловимой скоростью; используя один лишь тяжелый кожаный чехол от меча, он принялся методично и с особым цинизмом избивать бандитов, превращая их лица в кровавое месиво.

В считанные секунды весь двор заполнился визжащими от боли крысами, которые, прижимая ладони к разбитым головам, катились по земле. Те, что посмышленнее, сразу смекнули, что нарвались на мастера боевых искусств, и поспешили оперативно сделать ноги через поваленный забор.

Однако у Чан Бай словно глаза на затылке были. Легким движением носка сапога он подбросил в воздух тяжелую дубину и с силой запустил её вслед улетающему бандиту — снаряд с глухим стуком впечатался тому точно между лопаток, заставив бедолагу с размаху пропахнуть носом землёй. Парень не успокоился до тех пор, пока вся эта банда не бросилась наутек, заливаясь слезами и соплями.

— Посмеете сунуться сюда еще хоть раз — и мой клинок отведаёт вашей поганой крови! — Чан Бай с сухим щелчком наполовину обнажил меч, и холодный стальной блеск отразился на бледных от ужаса лицах деревенских парней.

Чан Бай ледяным взглядом проводил избитых до состояния свиных туш братьев Ли, мысленно ухмыляясь. Посчитали нашего генерала беспомощным калекой и решили отыграться на его семье? Что ж, пускай теперь сами прочувствуют все прелести инвалидности.

Прямо сейчас эти двое еще ничего не понимают, но будьте уверены: если они в ближайшие часы не найдут первоклассного костоправа, то до конца своих дней останутся прикованными к постели.

Сам Чан Бай в обычной жизни брезговал так пачкать руки о простое крестьянское быдло, но глядя на то, что эти негодяй устроили в доме, сдержать праведный гнев он просто не смог.

Шэнь Цинжань был до глубины души потрясен невероятным мастерством этого внезапно появившегося парня в черных одеждах. Пока декорации вокруг стремительно менялись, в его голове невольно всплыл образ Сюэ Фэйфэна на поле боя — должно быть, его муж в свое время точно так же, в одиночку, крушил целые армии врагов, обращая их в паническое бегство?

Парень уже собирался было вежливо поблагодарить своего спасителя, как вдруг этот черноволосый юнец, застыв на расстоянии трех метров от него, внезапно отвесил ему глубокий, почтительный поклон и с искренним благоговением в голосе спросил:

— Супруга генерала, вы не ранены? С вами всё в порядке?

Шэнь Цинжань мгновенно захлопнул рот, погрузившись в пучину полнейшего ступора.

«Так, стоп. Мне сейчас вообще кем положено быть — мужиком или бабой?!»

«У этого парня со зрением вообще как, всё нормально?»

«Он что, сквозь мою гениальную маскировку умудрился разглядеть то, чего на самом деле нет?!»

Тем временем в голове у Чан Бая бушевала нешуточная ментальная битва. Он топтался на месте, совершенно не зная, имеет ли он право подойти и чисто по-человечески помочь человеку подняться — это ведь как-никак личная супруга самого генерала! К чужой женщине прикасаться строго запрещено!

Хотя, надо признать, в этом мужском наряде их хозяйка выглядела чертовски убедительно и статно!

Чан Бай одобрительно прикинул про себя: «Да в таком виде наша госпожа вполне могла бы сопровождать генерала в походах! Вместе бы штурмовали крепости, и не пришлось бы страдать от долгой разлуки вдали от дома».

Их генерал на службе отличался железной дисциплиной и никогда бы не позволил себе притащить в лагерь женщину. Но если его законная супруга способна вот так безупречно маскироваться под благородного мужа, что даже родная мать не отличит — это в корне меняло дело!

Охранник восхищенно хлопнул себя по бедру: «А наша хозяйка-то — девушка с характером, крутая до невозможности!»

Шэнь Цинжань, бережно придерживая рукой ушибленный живот, кое-как поднялся на ноги и не сдержал болезненного вздоха:



— С-сс...

Чан Бай от этого звука синхронно втянул в себя воздух, а по его спине пробежал мороз. Он ведь по пути в деревню всего на пару минут отлучился в кусты по нужде и в итоге опоздал на самую завязку драки. Узнай об этом генерал — и с него живьем сдерут три шкуры.

Заприметив, что госпожа усердно растирает живот, но никаких следов крови на одежде не проступает, Чан Бай напустил на себя максимально невозмутимый вид и самым спокойным, но полным безумных намеков тоном поинтересовался:

— Госпожа, у вас в доме найдутся какие-нибудь целебные мази или притирки?

«У нашего генерала точно есть!»

<http://bllate.org/book/17933/1722930>